

УДК 930.2

ВЕДОМСТВЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ 1880-Х ГОДОВ И ИХ РОЛЬ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ЭТАПИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРЬ

© **Иванов А. А., 2020**

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Рассматривается деятельность Главного тюремного управления России по упорядочению системы препровождения политических ссыльных в Сибирь к месту отбывания наказания, оценивается эффективность и своевременность правовых инициатив Управления. Установлено, что в начале 1880-х гг., с ростом лево-радикального политического движения в стране, выросли масштабы наказания ссылкой и каторгой и это потребовало значительного усовершенствования всей пенитенциарной системы, и в первую очередь порядка этапирования арестантов в Сибирь. Изучена законодательная база, регулировавшая систему ссылки, – Устав о ссылке, Уложение о наказаниях и других, которые были приняты еще в середине XIX в., ряд ведомственных правовых актов, предназначенных для улучшения практики препровождения. На основе анализа данных материалов сделано заключение о том, что настоящие документы были направлены на облегчение положения арестанта в длительном пути, с одной стороны, и на совершенствование системы этапирования, а также учета ссыльных, с другой. Сделан итоговый вывод о том, что внутриведомственные правовые акты Управления сыграли положительную роль в упорядочении законодательной базы сопровождения политических ссыльных, однако вся правовая основа охранительной и пенитенциарной системы императорской России модернизировалась слишком медленно, и производимые изменения отставали от реальных потребностей времени.

Ключевые слова: политическая ссылка и каторга, Сибирь, тюремное управление, принудительное сопровождение арестантов.

Система этапирования политических ссыльных в Сибирь имеет свою, весьма значительную историю. Известно, что первые партии ссыльных потянулись из центра страны в неведомую сибирскую «украину» уже в 1620–1630-х гг. Их путь повторял основные колонизационные потоки, а местом концентрации был Тобольск. Отсюда их отправляли в города региона, а также через Енисейск на Лену. Арестанты шли пешком, закованными в кандалы, отправлялись за Уральский камень не регулярно, а в основном с оказией под присмотром так называемых нарочных посыльщиков. Перед отправкой конвоирам давался наказ: «Убегут у тебя колодники или ты сам, взяв с них откуп, отпустишь, то воеводы будут бить тебя кнутом и сошлют самого» [6, с. 150].

Какого-либо «пропитания» арестантам, отправленным в ссылку, не полагалось. Вместо этого им разрешалось просить милостыню. «Упорядочение» ссылки было предпринято лишь в 20-х гг. XIX в. М. М. Сперанским. Составленные им «Устав о ссыльных»¹ и «Устав об этапах в сибирских губерниях» были призваны

систематизировать государственное «ссылное дело», обеспечить материальными и финансовыми ресурсами.

С уставами 1822 г. впервые у ссыльных появились документы – статейный список с указанием имени и фамилии, места рождения и наименованием преступления, за которое он осужден. К месту наказания ссыльный следовал теперь в составе этапной партии, в сопровождении конвойной команды под руководством офицера, имевшего партионный список [2, с. 171]. В Уставе об этапах получили упорядочение и взаимоотношения ссыльных и конвоя. Параграф 75-й требовал от начальника этапной команды лояльного отношения к арестанту: ссыльный, «оказывавший во время следования неповиновение», подлежал «легкому телесному наказанию»; с «явно буйствующим» надлежало поступить «по всей строгости» и лишь в отношении «отважившихся нападать на конвойных» следовало «действовать оружием»².

А. Н. Радищев, а затем и декабристы открыли ссылку политическую. «Государственных пре-

¹ Устав о ссыльных (1857) // Свод Законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857. С. 1–150.

² Устав об этапах в сибирских губерниях. 22 июля 1822 г. // История Сибири XVI – начала XX вв.: Сб. док-тов. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2010. С. 237.

ступников» следовало вести в Сибирь отдельно от уголовного этапа, на санях или в крытых возках, в сопровождении жандармов. Административная ссылка, значительная по своим масштабам, начало которой установило «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.¹, внесла коррективы в этапирование: теперь революционеров присоединяли к уголовному этапу, везли на телегах, однако условия содержания в этапных тюрьмах были общими.

Путь в Сибирь в составе общего этапа был весьма суровым испытанием для человека. Такое движение растягивалось на год-полтора, сопровождалось огромными физическими трудностями и лишениями. Можно с уверенностью сказать, что именно этапный путь (до постройки железной дороги) и был самой тяжелой и опасной частью всего наказания ссылкой. С другой стороны, перемещение значительного количества людей на тысячи километров, через несколько климатических зон, на протяжении длительного временного срока, требовало и четкой организации, постоянного внимания как ГТУ, так и местных властей. Не случайно поэтому правовому обеспечению системы этапирования политических ссыльных в Сибирь было посвящено наибольшее количество проанализированных нами циркуляров.

Надо подчеркнуть, что административная высылка не влекла за собой, как ссылка по суду, поражения имущественных, гражданских и семейных прав, не сопровождалась потерей привилегий, званий и титулов. Это позволяет сделать вывод о том, что административная высылка была более либеральной мерой наказания, есть основание расценивать ее не только как охранительную, но и как предупредительную меру, предназначенную для участников широкого оппозиционного движения [5, с. 107].

Осуществление массовой административной ссылки потребовало от ГТУ принятия ряда ведомственных правовых актов, предназначенных для совершенствования законодательной основы этапирования арестантов. Важное место в этом ряду занимает циркуляр ГТУ от 13 июля 1880 г. Циркуляр подчеркивал необходимость особого отношения к административным ссыльным и устанавливал политическим арестантам право иметь и носить в пути свою одежду. При этом «казенное платье» могло им

выдаваться «только в случае их собственного желания или неимения собственной одежды»².

Согласно циркуляру, административно-ссылные следовали к месту водворения без оков. Конвойная команда могла заковать такого «политика» случае обнаружения у него «буйства», «неповиновения» или «намерения учинить побег». В пересыльных тюрьмах таким административным разрешалось писать прошения и подавать жалобы. При этом просьбы арестанта попадали к местному губернатору, который, «по просмотре», пересылал их «по принадлежности» или, «в случае признания неудобным дать дальнейший ход», объявлял о том просителю.

Циркуляр разрешал административно-ссылным писать и частные письма, адресованные родным или знакомым. В этом случае такая корреспонденция отсылалась смотрителем или конвойным начальником губернатору той местности, куда она была адресована, а последний или объявлял арестанту, что оно не может быть передано, или отсылал его по адресу. Существенные льготы имели ссыльные этой категории и во время тюремного содержания: смотритель вправе был позволить административным чтение книг и изданий, в том числе периодических, «разрешенных для свободного обращения в публике». Арестованные могли заниматься письменными работами, для чего дозволялось им иметь на хранении у смотрителя письменные принадлежности. Административным дозволялось и занятие ремеслом, при этом по окончании работы инструменты и письменные принадлежности отбирались. Существенную роль в облегчении этапного пути для административных играли и собственные деньги, которые в размере до 100 руб. разрешалось брать с собой, сдав конвойному начальнику³.

Как видим, в содержании административно-ссылных и ссыльных по суду имелись существенные различия. Следует отметить, что ГТУ стремилось контролировать соблюдение правил, предоставлявших льготы административным. Этой теме посвящено несколько циркуляров. Например, 12 марта 1882 г. за подписью статс-секретаря К. К. Грота была опубликована инструкция, в которой констатировались наиболее часто встречаемые «упущения». Так, по сведениям ГТУ, в местах заключения некоторых губерний при снаряжении административных в путь у них отбирались «все наличные деньги, которые затем отправлялись в Тюменский при-

¹ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденное 14 августа 1881 года // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. 15. 1895. СПб., 1899. № 550. С. 261, 265.

² Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг. Часть 1. 1879–1895 гг. С.-Петербург: Издание Главного тюремного управления, 1911. № 240, 13 июля 1880 г. (без нумерации страниц). 13 июля 1880 г. № 240.

³ Сборник циркуляров... 13 июля 1880 г. № 240. Приложение.

каз, несмотря на то, что сами высылаемые направлялись в Московскую центральную переписьную тюрьму», где и содержались до открытия навигации, т. е. в течение нескольких месяцев, «совершенно без собственных средств».

Инструкция отмечала и то, что нередко административным ссыльным чины тюремного ведомства запрещали брать в ссылку «ремесленные приборы и инструменты», а при переходе с вокзала в тюремный замок под багаж им не подавались подводки, что вынуждало ссыльных «нести таковой на своих плечах, весьма часто довольно далекое пространство». После констатации этих недостатков Грот разъяснял губернаторам, что «занятие ремеслами является во многих случаях главным средством существования ссыльных на местах поселения», почему и не должно быть никаких препятствий к тому, чтобы в состав арестантского багажа входили и инструменты, необходимые для производства ремесленных работ. Инструкция предписывала: «В период прекращения навигации, направляя ссыльных для содержания в Москву, необходимо туда же препровождать все принадлежащие им деньги, в каком бы оные размере ни находились». Что же касается предоставления подвод для своза багажа от железнодорожных станций до тюрьмы, то, говорилось в инструкции, «по этому предмету последует особое распоряжение»¹.

Масса претензий и жалоб со стороны ссыльных к офицерам конвойных команд, чиновникам ГТУ и представителям местной административной власти возникала по поводу багажа. При этом абсолютное большинство этих конфликтов можно объединить в три группы: разногласия по поводу веса багажа, его формы, а также набора личных вещей и возможности их пополнения в дальней дороге.

Вес багажа вызывал наибольшее количество разногласий. Так, например, в инструктивном письме от 10 октября 1886 г. ГТУ констатировало, что политические ссыльные, отправляясь к месту отбывания наказания, берут с собой больше багажа, чем определено законом. Казалось бы, это частный случай, однако дело в том, что багаж, как и сами политические ссыльные, а также и их семьи, «следовал» в Сибирь на «подводах», предоставляемых местными крестьянами. Эта «подводная повинность», согласно которой сельские жители должны выставлять для проезда политических (и уголовных) ссыльных собственные повозки и лошадей, была весьма тягостной для всего «крестьянского общества» и готова была вылиться в открытое недовольство. Исходя из этого, подписавший инструктивное

письмо за начальника ГТУ В. Н. Коковцев требовал от губернаторов «не оставить распоряжением», чтобы при отправлении политических арестантов из вверенных им губерний «ни под каким предлогом не дозволялось иметь багажа больше нормы»: ссыльнопоселенцам, ссылаемым на жительство, и административно-ссылным более 5 пудов, а ссыльнокааторжным – более 60 фунтов (27,2 кг), «считая в том числе вес казенной одежды и ручной багаж»².

В Сибири проблема подводной повинности стояла особенно остро: местный крестьянин, зажиточный и самостоятельный, не знавший крепостной зависимости, нередко проявлял непокорность и всячески сопротивлялся выполнению этой обязанности. Данная проблема не сходила и со страниц всевозможных отчетов и служебных записок властей в Петербург. Так, к примеру, генерал-губернатор граф П. И. Кутайсов в записке на имя В. К. фон Плеве 12 сентября 1903 г. отмечал, что усиление потока высланных административно ведет к обременению местного населения подводной повинностью: при здешних громадных расстояниях, при редкости населения, обязанность «выгонять подводки за сотню верст ложится чересчур тяжело на жителей, которые и раньше, при малом числе водворяемых, жаловались на эту, самую трудную для них повинность». Вдобавок ко всему, отмечал автор, по дороге «поднадзорные нередко позволяют себе разные «вольности», распевая всевозможные запрещенные песни, выкидывая красные платки и ленты...», что, безусловно, «развращающе» действует на жителей³.

Вопрос о форме перевозимого багажа также давал повод для многочисленных жалоб. Уголовный ссыльный, имея 30 фунтов багажа, вез его в мешке, и это не вызывало ни у кого нареканий. Политический же зачастую упаковывал свои вещи в чемоданы, а кроме того, как отмечалось в инструкции от 14 декабря 1888 г., нередко имел при себе «большие подушки и перины, хотя и легкие, но стесняющие в пути следования не только самих арестантов, но и чинов конвойной команды». Документ, подписанный начальником ГТУ М. Н. Галкиным-Враским, требовал, чтобы вещи ссыльных арестантов непременно затюковывались в мешки, а из громоздких вещей принимались только подушки, «которые разрешаются как арестантам, так и сопровождающим их семействам, причем размер подушки не должен превышать 10 вершков по длине и ширине» (44,5 см)⁴. Как видим, каждая, даже

² Сборник циркуляров... 10 октября 1886 г. № 1147.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 22, 25.

⁴ Сборник циркуляров... 14 декабря 1888 г. № 23.

¹ Сборник циркуляров... 12 марта 1882 г. № 36.

мелкая, деталь этапного пути требовала своей ведомственной нормотворческой проработки.

Третья проблема – перечень или набор вещей, которые дозволялось везти ссылаемым по суду на поселение и в каторгу. Если для административных не только разрешалось, но даже приветствовалось брать всевозможные инструменты, то для данной категории «политиков» что-либо подобное даже не упоминалось. Предполагая «в непродолжительном времени» издать подробное перечисление вещей, которые могли быть перевозимы в качестве багажа, Управление обращало внимание здесь на одну из сторон этой проблемы – разрешение пополнять ссыльному свой багаж.

Дело в том, что политссыльный в продолжительной дороге «обрастал» вещами. Как правило, проведя не менее года, а то и двух в предварительном тюремном заключении, он выходил оттуда «неимущим» – с котомкой белья и стопкой книг. Зачастую у него не было ни средств, ни возможности приобрести себе что-то в дорогу, поэтому он стремился восполнить этот пробел по мере движения. Пытаясь отрегулировать этот процесс, ГТУ и издал соответствующий циркуляр, требуя, чтобы губернские правления при отправлении политических преступников, осужденных в каторжные работы или к ссылке по суду, «точно поименовывали вещи», разрешаемые ими для каждого отдельного человека к перевозке в качестве багажа, составляли этим вещам описи и прилагали их к следующим на арестанта документам. «Затем уже никакие изменения в составе багажа в пути допускаться не должны», устанавливала инструкция. Столь категоричное предписание в реальной действительности было, скорее всего, далеко не всегда выполнимым. Именно поэтому инструкция, в случае возникновения какого-либо «недоразумения» из-за багажа, окончательное разрешение предоставляла начальнику конвоя¹.

Часть ведомственных актов, вышедших из ГТУ в 1880-х гг., была посвящена другому весьма болезненному вопросу – личным деньгам ссыльных. Дело в том, что, на основании Устава, собственные деньги арестантов отправлялись в Тюменский приказ, а оттуда – на место поселения ссыльного. Очень часто такие посылки не доходили до адресата или поступали поздно, через несколько месяцев после водворения «политика». В результате ссыльный оставался без средств к существованию и забрасывал региональные тюремные инспекции жалобами. Чтобы снять напряженность в этом вопросе, ГТУ в инструкции от 12 февраля 1890 г. предписало отправлять

деньги ссыльных не в Тюмень, а непосредственно в места распределения на имя сибирских генерал-губернаторов: «...необходимо установить, чтобы деньги направлялись более непосредственным образом вслед за ссыльными»².

Циркуляр ГТУ от 17 июля 1890 г. развивал вопрос о личных деньгах ссыльных и предлагал тюремным инспекциям, отправляющим ссыльных в Сибирь, высылать деньги не на места поселения, а в Иркутск, так как именно здесь имелась последняя на этой территории экспедиция о ссыльных: «Ввиду того, что преступники, приговоренные к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение, распределяются Тюменским приказом о ссыльных исключительно в распоряжение Иркутской экспедиции, – собственные таких осужденных деньги отсылать прямо в Иркутскую экспедицию»³.

Несколько инструктивных писем ГТУ посвящены предупреждению побегов ссыльных с этапного пути. До сооружения железнодорожной магистрали, побег революционера с места поселения был делом трудноосуществимым. Любая «самовольная отлучка» ссыльного обнаруживалась практически на следующий день – при обходе квартир «политиков» служащим полиции или тюремным смотрителем. К тому же Московский тракт, связывавший центр страны с сибирским краем, был для беглеца практически «не проходим»: его могли арестовать уже на первой почтовой станции.

Другое дело – побег с этапа. Здесь для бегущего существовало больше возможностей. Надо было только последовать опыту уголовных, многие годы практиковавших так называемую сменку. Именно так, к примеру, осуществил свой побег В. К. Дебогорий-Мокриевич, член «киевской коммуны», ходивший «в народ» в 1874 г.: на этапе он за определенное вознаграждение обменялся документами с уголовным и в ноябре 1879 г. под его именем был поселен в селе Тельминском, откуда через два дня уехал в Иркутск, жил там нелегально, а в 1880 г. уже с «настоящими» документами и вполне свободно выехал в Европейскую Россию [1, с. 412–414].

Пример Дебогория был далеко не единственным, поэтому 16 марта 1882 г. за подписью того же Грота было опубликовано инструктивное письмо, предписывавшее сибирским губернаторам, чтобы исключить саму возможность побега, «ни коим образом не разрешать ссыльным по суду следовать по этапу в собственном платье». Такие арестанты должны «высылаться не иначе, как в казенной форменной одежде»⁴.

² Сборник циркуляров... 12 февраля 1890 г. № 5.

³ Там же. 17 июля 1890 г. № 18.

⁴ Сборник циркуляров... 16 марта 1882 г. № 435.

¹ Сборник циркуляров... 1 июля 1887 г. № 14.

Инструктивное письмо от 7 февраля 1885 г. целиком посвящено мерам по предотвращению «этапных побегов». Авторы документа констатировали, что обмен именами между преступниками на этапах происходит «весьма нередко», в особенности в пределах Сибири. Причина «такого рода злоупотреблений» заключается в том, что проверка «самоличности ссыльного» производится исключительно на основании статейного списка, а описание же «в оном примет делается в таких общих выражениях», что отличить одного от другого становится «вне всякой возможности». Наиболее «действенной» мерой к прекращению такой практики указывалось «обязательное снятие фотографических карточек со всех преступников», независимо, политические они или уголовные, и предлагалось губернаторам, отправляющим ссыльных из своих губерний, с целью экономии бюджета ГТУ, привлекать к исполнению этого дела «какого-либо фотографа безвозмездно» или же «за плату, соответствующую лишь издержкам по расходованию материалов»¹.

«Безвозмездно привлечь» – указывает на то, что дело сплошного фотографирования арестантов в Управлении только начиналось. Однако уже через два года, благодаря усилиям чиновников ведомства, эта мера прочно вошла в практику. Об этом свидетельствует и циркуляр ГТУ от 24 июня 1887 г., который уже однозначно предписывал, с целью предупреждения побегов, «всех без исключения арестантов пересылать по назначению не иначе, как при фотографических карточках», которые, во избежание утраты, должны быть «пришнурованы» или «прошиты за казенную печатью к статейным спискам». На самих же списках следовало делать «пометки» о приложенных фотокарточках, как и о том, на каком этапном пункте они утеряны².

Подлежал упорядочению и формальный учет пересылаемых ссыльных. Взять хотя бы составление статейных списков. Существующий с 1820-х гг. соответствующий формуляр, являвшийся главным документом ссыльного, по мнению Управления, заполнялся без «должной ответственности». Это констатировала и инструкция ГТУ от 29 сентября 1887 г., обращавшая внимание на то, что часто в списках род преступления, совершенного ссыльным, «обозначается в одних лишь общих выражениях», без ссылки на статьи Уложения о наказаниях, а в графе о семейном положении нет обозначения, холост или женат, что напрямую сказывалось на определении денежного пособия. Большие упущения были

выявлены и в ходе проверки работы Тюменского приказа, где алфавитные списки ссыльных не соответствовали действительности [4, с. 76–78].

Принимая во внимание, что неправильное составление статейных списков в значительной мере затрудняет как учет ссыльных, так и своевременное обеспечение их пособием, инструкция требовала от сибирской администрации «неуклонного исполнения на будущее время приведенных в Уставе о ссыльных правил» о порядке составления статейных списков и конструктивном взаимодействии с Тюменским приказом³.

Накопленный ГТУ опыт в организации этапирования политических ссыльных был обобщен изданием подробных Правил о порядке препровождения лиц, подлежащих высылке по делам политического свойства в Сибирь от 29 апреля 1889 г. В настоящем документе предусмотрен механизм сосредоточения «политиков» из губерний, где было совершено преступление, в Москве, а затем порядок этапирования в места отбывания наказания, условия следования этапом по Московскому тракту, а также права и обязанности ссыльных. Следует заметить, что, в отличие от циркуляров, данные Правила ставили ссыльного в более жесткие условия. Так, например, п. 10 устанавливал предельный вес багажа для высылаемых в Сибирь по судебным приговорам в 30 фунтов, а не в 60, как было ранее. При этом ссыльнокаторжным «отнюдь не должно быть дозволяемо помещать» в числе этих фунтов «каких-либо постельных принадлежностей». Свой личный багаж ссыльный должен был теперь нести «самолично (п. 11), не требуя посторонней помощи», все же прочее должен был сдать «за описью». Во все время нахождения в пути ссылаемым «политикам» не дозволяется иметь свиданий не только с посторонними лицами или родственниками, но и со своими семьями, следующими отдельно от партий (п. 20). Строго возбранялись и передача вещей, принадлежащих одному ссыльному, другим, обмен платья и «вообще всякое изменение наружного вида», могущее затруднить надзор за преступниками. При этом начальник партии и нижние чины конвоя, наблюдающие за ссыльными, должны были знать каждого арестанта поименно и в лицо⁴.

Следует учитывать, что ГТУ в большей степени занималось все-таки тюрьмой и каторгой. Ссылке, как уголовной, так и политической, Управлением уделялось меньше внимания. Так, по подсчетам М. В. Осипова, сделанным за 1879–1885 гг., из 103 циркуляров, принятых ГТУ, 11 относились к быту арестантов и условиям содер-

¹ Сборник циркуляров ... 7 февраля 1885 г. № 175.

² Там же. 24 июня 1887 г. № 12.

³ Сборник циркуляров ... 29 сентября 1887 г. № 19.

⁴ Там же. 29 апреля 1889 г. № 9.

жания, 52 – к внутренней организации тюрем, 5 касались кадров тюремных служащих, 4 были посвящены организации хозяйственных работ, 7 – надзору за качеством тюремных зданий, 9 – проблемам побегов из тюрем, и только 15 – организации жизни ссыльных (14,6 %) [3, с. 240].

Подведем некоторые итоги. В 1880-х гг. все увеличивающиеся размеры политической ссылки в Сибирь заставили ГТУ России активно модернизировать нормативную основу своей деятельности. Это выразилось в издании ряда ведомственных актов, направленных на совершенствование работы на местах. Определенная часть данных циркуляров была посвящена систематизации и упорядочению этапирования в Сибирь политических арестантов. Повышенное внимание ГТУ к настоящему вопросу объяснялось самим масштабом задач: с одной стороны, следовало облегчить для этаплируемого тяготы пути, с другой – было необходимо построить четкую и безопасную систему принудительного препровождения большой массы людей на дальние расстояния, в суровых климатических условиях, в продолжение длительного временного периода.

Анализ ведомственного нормотворчества ГТУ за 1880-е гг. дает основание сделать вывод о постепенном и планомерном облегчении условий этапирования для политического арестанта, о чем свидетельствуют: замена пешего движения перемещением на подводах, расширение перечня вещей, которые мог взять с собой ссыльный, в особенности административный, в дорогу, в том числе и рабочие инструменты, разрешение административным иметь при себе значительные денежные суммы для улучшения своего бытового положения, упрощение отправки личных средств ссыльного к месту его поселения. Ряд мер были приняты ГТУ и в направлении совершенствования нормативной базы самой системы этапирования: Управление требовало от тюремных инспекций более четкой организации учета следующих в Сибирь ссыльных, введения обязательного фотографирования их при отправлении из губерний Европейской России, профессионального ведения сопровождающей документации.

Ведомственное нормотворчество ГТУ способствовало улучшению системы этапирования политических ссыльных, однако организация сопровождения имела по-прежнему существенные недостатки, о чем могут свидетельствовать побеги арестантов из этапных тюрем. В целом циркуляры ГТУ сыграли, безусловно, положительную роль в упорядочении правовой базы этапирования политических ссыльных, однако вся законодательная основа пенитенциарной системы России модернизировалась слишком

медленно, а производимые изменения отставали от реальных потребностей развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дебогорий-Мокриевич Вл. Воспоминания. Париж : Imprimerie J. Allemane, 1894. 522 с.
2. Иванов А. А. В Сибирь по этапу (XVII–XIX вв.) // Известия ИГЭА. 2014. № 2 (94). С. 170–176.
3. Осипов М. В. Циркуляры Главного тюремного управления МВД как источник по истории пенитенциарной системы России в период пореформенной модернизации (1879–1885) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 239–242.
4. Рошчевская Л. П. История политических репрессий в царской России. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2006. 140 с.
5. Савилов А. А. Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов и проблемы его применения к политическим ссыльным Иркутской губернии в начале XX века // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск : Оттиск, 2017. Вып. 8 (20). С. 104–121.
6. Фельдштейн Гр. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. М., 1893. 193 с.

REFERENCES

1. Debogorij-Mokrievich Vl. *Vospominaniya*. Parizh: Imprimerie J. Allemane, 1894, 522 p. (in Russian)
2. Ivanov A.A. V Sibir' po etapu (XVII-XIX vv.). *Izvestiya IGEA*, 2014, no. 2 (94), pp. 170-176. (in Russian)
3. Osipov M.V. *Cirkulyary Glavnogo tyuremnogo upravleniya MVD kak istochnik po istorii penitenciarnoj sistemy Rossii v period poreformennoj modernizacii (1879-1885)*. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 2009, vol. 11, no. 2, pp. 239-242. (in Russian)
4. Roshchevskaya L. P. *Istoriya politicheskikh repressij v carskoj Rossii*. Syktyvkar, SyktGU Publ., 2006. 140 p. (in Russian)
5. Savilov A.A. *Zakonodatelstvo o glasnom policejskom nadzore 1880-h godov i problemy ego primeneniya k politicheskim ssylnym Irkutskoj gubernii v nachale XX veka*. *Sibirskaya ssylka*. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, iss. 8 (20), pp. 104-121. (in Russian)
6. Feldshtejn Gr. *Ssylka. Ocherki ee genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya*. Moscow, 1893, 193 p. (in Russian)

Departmental Legal Acts of the General Prison Department of the 1880s and Their Role in Improving the System of Transferring Political Exiles to Siberia

© Ivanov A. A., 2020

The activities of the General Prison Department of the Russian Federation to streamline the system of transferring political exiles to Siberia to the place of serving their sentence are considered, and the effectiveness and timeliness of the legal initiatives of the Office are assessed. In the early 1880s, with the rise of the left-wing radical political movement in the country, the scale of punishment by exile and hard labour increased significantly. The increase in the number of exiles required significant improvement of the entire prison system, and first of all, the order of transfer of prisoners to Siberia. In these years, on the basis of the existing legislative framework regulating the system of reference - the Charter on Reference, the Regulations on Penalties and others adopted as early as the mid-19th century, specialists of the Office developed a number of departmental legal acts designed to improve the practice of transmission. The analysis of these materials makes it possible to conclude that these documents were aimed at alleviating the situation of the prisoner on the long journey on the one hand, and at improving the transfer system, as well as the accounting of transfers on the other. As a result, it is concluded that the internal legal acts of the Office played a positive role in streamlining the legislative framework for accompanying political exiles, but the whole legal framework of the protection and penitentiary system of imperial Russia has been modernized too slowly, and the changes made have lagged behind the real needs of time. The main source for writing the article was circulars from the head of the Department and his deputies, as well as from ministers (comrades of ministers) of the relevant ministries throughout the 1880s.

Keywords: political reference and hard labour, Siberia, prison administration, forced escort of prisoners.